

Цзюнь Тяньяо вовсе не страдал привычкой подглядывать.

Получив от подчиненных донесение о том, что в городе Линьси замечены люди из Альянса Боевых Искусств, он не на шутку встревожился. Что понадобилось этим деятелям в такой глуши? Неужели они снова замышляют план по уничтожению Долины Яньюэ? При этой мысли в его душе невольно вспыхнуло презрение.

— И чего только этим людям из Альянса не сидится на месте? В Долине Яньюэ полным-полно мастеров, неужели они всерьез надеются так легко нас одолеть? Просто смехотворно!

Хотя Цзюнь Тяньяо ни во что не ставил Альянс, от нечего делать он все же решил лично проверить обстановку. Проходя мимо одного из дворишков, он заметил черную тень, перемахнувшую через стену. Движения были бесшумными, а мастерство легкости — весьма достойным.

Цзюнь Тяньяо удивился, затаил дыхание и взлетел на крышу, чтобы разглядеть, кто здесь поселился. Внизу, за столиком, сидел юноша в красном и неспешно попивал вино. Поначалу Цзюнь Тяньяо не почувствовал в нем мощной внутренней энергии и уже собрался уходить, но тут юноша поднялся, взял со стола меч и начал танцевать прямо на заснеженной земле.

Цзюнь Тяньяо не смог определить, чьей школе принадлежал этот стиль, но сразу понял, что меч у юноши не простой, и невольно задержался, чтобы досмотреть выступление. Вскоре он уже не мог отвести глаз и даже забыл о том, что нужно скрывать свое присутствие.

— До чего же хорош, — в который раз подумал Цзюнь Тяньяо.

Нельзя сказать, что он не видел в жизни красавцев, но сейчас ему казалось, что все они вместе взятые не стоят и мизинца того, кто был перед ним.

— Раз уж вы пожаловали, почему бы не спуститься и не выпить чашу вина? — Мо Янь уже спрятал меч и наполнил пустую чашу, словно намереваясь оказать гостеприимство незваному гостю.

— Проклятье, залюбовался и выдал себя, — Цзюнь Тяньяо смущенно потер нос, но, не став ломаться, одним движением переместился и сел на стул напротив Мо Яня.

Едва прозвучали слова юноши, как снег, лежавший на стуле, взметнулся вверх и ровным слоем осел на землю вокруг. В следующее мгновение на стуле уже сидел человек.

Он сидел прямо, облаченный в накидку из парчи цвета лунного света, отороченную мехом песка, скрепленную на груди красным шелковым шнуром с черными жемчужинами. Под накидкой виднелись белоснежные одежды из тонкого шелка с широкими рукавами, отороченные изысканной вышивкой, которая выглядела благородно, но не вычурно, идеально

сочетаясь с лентой, связывавшей его волосы.

Черты его лица были резкими, словно высеченными из камня, а несколько прядей волос, подхваченных легким ветерком, касались бровей — так и хотелось протянуть руку и убрать их за ухо. Его взгляд был чистым и холодным, как родниковая вода после таяния льда, но при этом глаза с поволокой при каждом движении казались полными невыразимого очарования.

Падающий снег таял, не успев коснуться его, и вокруг него словно вилась едва уловимая дымка — будто весенний снег, падающий в глубокий омут: он исчезал, но оставлял после себя легкую рябь в душе. В этот суровый зимний день Мо Яню почудилось, будто он слышит, как пробиваются первые ростки и просыпаются насекомые.

— Какое мастерство! — собравшись с мыслями, искренне похвалил Мо Янь.

Говоря это, он пододвинул наполненную чашу к Цзюнь Тяньяо, и дно чаши прочертило на снегу, покрывавшем стол, глубокую борозду.

— Всего лишь мелкие приемы для самообороны, не стоит упоминания, — ответил Цзюнь Тяньяо и залпом осушил чашу.

Он не был приучен к крепким напиткам и пил редко, а вино, которое налил Мо Янь, оказалось довольно резким. Его слегка разморило, но для мастера такого уровня эта слабость ничего не значила.

Мо Янь не стал спорить и с улыбкой спросил:

— А вы не боитесь, что я мог добавить яд?

— Тех, кто способен отравить меня, кажется, еще даже не родилось на свет, — ответил он совершенно спокойным тоном, будто говорил о самых обыденных вещах.

Какой дерзкий человек, да и мастерство его непостижимо. Кто же он такой? Пока Мо Янь размышлял над личностью гостя, тот вдруг спросил:

— О чем задумался, господин Мо?

Услышав это, Мо Янь вздрогнул. Он ведь никогда не покидал родных мест, а уж тем более не был в Цзяннани, за тысячи ли от Усадьбы Тысячи Журавлей. Откуда этот человек знает, кто он такой?

На самом деле, сидя на крыше, Цзюнь Тяньяо не знал, кто перед ним, но, заметив на поясе юноши нефритовую подвеску, сразу все понял. Нефрит был ярко-зеленым с тонкими красными

прожилками, и даже в пасмурный снежный день он отражал зеленоватый свет, падающий на снег на столе, а порой по нему пробегали едва заметные алые блики.

Цзюнь Тяньяо знал, что только Ханьская Кровавая Нефритовая Печать может обладать такими свойствами. О ее происхождении он был наслышан: поговаривали, будто один император династии Хань приказал отобрать девяносто девять лучших кусков нефрита в мире и выдержать их в бассейне с человеческой кровью в течение двадцати лет. Но начался дворцовый переворот, мастер, отвечавший за бассейн, исчез, и о камнях забыли.

Лишь двадцать лет назад банда расхитителей гробниц нашла их в запечатанной пещере. Но когда они извлекли камни из высохшего бассейна, выяснилось, что большая их часть рассыпалась в прах, и уцелели лишь два куска. Позже их за огромные деньги выкупили Мо Хун Тао и его супруга из Усадьбы Тысячи Журавлей. Поэтому Цзюнь Тяньяо сразу догадался, что юноша — из семьи Мо.

В мире боевых искусств ходили слухи, что в Усадьбе Тысячи Журавлей есть только один слуга не из рода Мо, а все остальные носят эту фамилию. Видя манеры и речь юноши, Цзюнь Тяньяо понял, что тот не слуга, а значит, его фамилия — Мо. Однако он не знал, сбежал ли юноша, украв подвеску, или же он является близким родственником главы усадьбы.

<http://bllate.org/book/20959/2126298>